

Непосредственное чувство текста и времени: Читая книгу М.Д. Долбилова «Жизнь творимого романа. От авантекста к контексту “Анны Карениной”»

© 2025, Ю.И. Красносельская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация: В статье обсуждаются исторические и текстологические вопросы, поднятые в книге М.Д. Долбилова «Жизнь творимого романа» (2023), посвященной истории создания «Анны Карениной» Л.Н. Толстого. С опорой на классическую текстологическую традицию проанализирована новизна предложенного Долбиловым исследовательского метода, основанного не на реконструкции «последней авторской воли», а на изучении «авантекста» романа как совокупности «пластов» текста, каждый из которых так или иначе проявляется в печатной версии «Анны Карениной», но сохраняет в то же время некоторую автономность и самостоятельную художественную ценность. Рассмотрены происхождение и выражение в романе Толстого антитезы «непосредственного чувства» и «фальши», которую Долбилов считает центральным элементом художественной конструкции «Анны Карениной». Наконец, прокомментированы интертекстуальные связи романа с «Премьер-министром» Э. Тrolлопа, а также воздействие теории бессознательного Э. фон Гартмана на сюжетную организацию и психологическую прорисовку образов героев толстовского романа.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, «Анна Каренина», текстология, авантекст, «непосредственное чувство».

Информация об авторе: Юлия Игоревна Красносельская — кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, тер. Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-8726-4166>

E-mail: jullkra@yandex.ru

Для цитирования: Красносельская Ю.И. Непосредственное чувство текста и времени: читая книгу М.Д. Долбилова «Жизнь творимого романа. От авантекста к контексту ‘Анны Карениной’» // Литературный факт. 2025. № 3 (37). С. 109–125. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-109-125>

Вышедшая в 2023 г. книга ассоциированного профессора Департамента истории Университета штата Мэриленд в Колледж-Парке М.Д. Долбилова о романе «Анна Каренина» [1] — без сомнения, событие знаменательное. При том что роман никогда не был обделен вниманием исследователей и в западной русистике является едва ли не самым популярным объектом изучения среди произведений Л.Н. Толстого, монографию Долбилова можно уверенно отнести к современной классике толстоведения наряду с работами К.Б. Фойер [11], Д.Т. Орвин [6], Г.С. Морсона [16], О.Е. Майоровой [15]¹.

Сравнение с книгой Фойер «Генезис “Войны и мира”» напрашивается в первую очередь, поскольку в ней также соединились текстологические изыскания и анализ общественно-политической обстановки в России и Европе 1860-х гг., благодаря чему был реконструирован ранний замысел политического романа и выявлены его рудименты в печатной версии «Войны и мира». От монографии историка Долбилова, известного специалиста по конфессиональной политике, земельным отношениям и культурным механизмам эпохи правления Александра II, прежде всего ждали чего-то аналогичного второй части книги Фойер, посвященной политическому подтексту «Войны и мира», т. е. исторического комментария к «Анне Карениной», «нашпигованной» отсылками к злободневным вопросам и сюжетам 1870-х гг. Однако автор, очевидно, предвидя подобные ожидания, счел такую задачу узкой и скучной ввиду чрезвычайно увлекательного (не только с исторической точки зрения) литературного материала. Как подчеркивает Долбилов, его исторические наблюдения и построения важны постольку, поскольку проясняют развитие художественной мысли Толстого, позволяют разглядеть причудливые узоры на «ткани» романа. Оговоримся, что эта кажущаяся избитой метафора получает в рецензируемом исследовании серьезный смысл, поскольку акцент сделан не на результатах толстовского труда и даже не на отдельных «кирпичах», из которых он складывается, а на процессе его долгого и неспешного *творения* автором, процессе «плетения» сюжетного рисунка, представляющего собой знаменитый «лабиринт сцеплений» [8, т. 62, с. 269]. Вот только «с лица» и «с изнанки» этот рисунок выглядит по-разному: изнутри он более ярок, пусть и шероховат, однако попытки вырвать «торчащие нитки» привели бы к повреждению парадной, лицевой стороны полотна.

¹ Из работ последних десятилетий см. также.: [12; 13; 14].

Опираясь на опыт французской генетической критики, Долбилов предпочитает называть тот материал, из которого «соткан» роман, авантекстом, поскольку привычное обозначение «черновые редакции и варианты» скорее указывает на дискретность, чем на цельность рукописного текста, на его качественную вторичность и неотделанность, а не на художественный потенциал и глубину. Долбилов же апеллирует к тому, что включающая авантекст «большая реальность» [1, с. 424] «Анны Карениной» более богата смысловыми нюансами, идеями и острыми намеками на злобу дня, чем окончательный текст; исследователю интересна «живая жизнь» (В. Вересаев) авантекста сама по себе, вне зависимости от того, пригодилась ли Толстому в итоге та или иная деталь или сюжетная конструкция или так и осталась в черновиках. И действительно, авантекст воссоздан в «Жизни творимого романа» настолько красочно и с таким увлечением, даже смакованием отдельных языковых штрихов, портретных характеристик и политических аллюзий, впоследствии нередко стертых или завуалированных автором, что это располагает к принятию долбиловского подхода к истории текста.

Согласимся, что традиционные текстологические штудии могут показаться утомительными даже профессиональному историку литературы, если тот основательно не знаком с рукописями произведения или оно интересует его с какой-то другой точки зрения. Так, в вышеупомянутой книге Фойер нам всегда казалась более ценной вторая часть — «Политический замысел “Войны и мира”»; первая же — «Предыстория и ранние варианты начала», текстологическая, описывающая, как Толстой постепенно отказывается от формы исторической хроники и шлифует образы главных героев, выглядит суховатой и немного оторванной от идейно насыщенного политического слоя романа, который поднимается «глубоко забирающим плугом»² во второй половине монографии. Долбилов работает с рукописями «Анны Карениной» не менее скрупулезно, чем с историческими источниками, что тем более ценно, что рукописи эти до сих пор изданы фрагментарно: в Юбилейном издании Полного собрания сочинений они опубликованы выборочно [8, т. 20], а в рамках Академического 100-томника пока вышли в свет только первые четыре части окончательного текста романа [9, т. 11]. Поэтому вклад Долбилова в текстологию «Анны Карениной» бесценен: автор «Жизни творимого романа» оспаривает ряд соображений В.А. Жданова, одного

² Ср.: «Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом». *Из записок хозяина-агронома (Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. (Соч.: в 12 т.) 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1982. Т. 9. С. 133).*

из редакторов «Карениной» в серии «Литературные памятники» [7] и автора «Творческой истории «Анны Карениной»»³, и предлагает поправки к тексту романа, напечатанному в 90-томнике [8, т. 18–19]. Это заставляет надеяться, что сотрудники Научно-исследовательского центра (лаборатории) «Наследие Л.Н. Толстого в мировом культурном контексте» ИМЛИ РАН, участвующие в подготовке Академического ПСС Толстого, не пройдут мимо его замечательных открытий и (пере)прочтений.

Осознавая пионерский характер своей работы и в то же время не желая наскучить читателю вьедливым анализом первоначальных слоев рукописей, Долбилов нередко предпочитает «бережно ссыпать подробности» относительно их датировок и эволюции в примечания, к которым и адресует «энтузиастов текстологии романа» [1, с. 235]. Нам, правда, доводилось слышать мнение, согласно которому некоторые детали — например, связанные с реконструкцией дожурнальной цельной редакции 1874 г. (ДЖЦР, в терминологии автора) во второй главе, — несколько избыточны и отвлекают от основных историко-литературных построений исследователя (так, в той же главе распутывается интереснейший сюжетный «след» развода Карениных, намеченный в редакции 1873 г., но постепенно тускнеющий в авантексте). На наш взгляд, эта избыточность является неизбежным следствием работы в плохо распаханном поле и потому оправданна, хотя, возможно, отчасти она возвращает Долбилова на ту текстологическую почву, которая кажется ему малопродуктивной. В этой связи хотелось бы подробнее прокомментировать степень оригинальности исследовательского метода, который использован в «Жизни творимого романа».

Скептическое отношение Долбилова к классической, главным образом советской, текстологии объясняется созданным ею культом «окончательного текста» и «последней авторской воли». Это, по мнению исследователя, приводит к недооценке рукописей, убежденности в их непроработанности и прямолинейности авторского пути от несовершенного замысла к его идеальному воплощению. Из числа отечественных текстологов Долбилов выбирает себе в союзники Н.К. Пиксанова, который указывал на неразрывное единство «рудиментарных» и «вполне развитых» форм текста, считая его творческую историю самостоятельной научной дисциплиной⁴. Правда, Долбилов оговаривается, что ему не близка пиксановская

³ Жданов В. Творческая история «Анны Карениной». Материалы и наблюдения. М.: Сов. писатель, 1957. 263 с.

⁴ Пиксанов Н.К. Творческая история «Горя от ума». М.: Наука, 1971. С. 17.

«установка на выявление “подлинного, единственного, авторского смысла” произведения» [1, с. 16]: сам он как историк при изучении «Анны Карениной» стремится показать, как «невывышенная реальность» [1, с. 14, 17, 99 и др.] корректирует и перенаправляет авторский смысл в новое русло (или, скорее, русла). Но, как нам кажется, здесь позиция Долбилова сближается с представлениями классика советской текстологии Б.В. Томашевского, который в хрестоматийной работе «Писатель и книга» критиковал Пиксанова как раз за то, что тот «личное намерение автора» ставит выше «внутренней целеустремленности (телеологии) художественного приема»⁵. По убеждению Томашевского, «произведение создает не один человек, а эпоха <...>»⁶. Правда, по этой причине он оценивал «творческую историю» скромнее, чем Долбил, видя в ней один из «вспомогательных методов обработки материала»⁷; но Томашевский также подчеркивал нестатичность «художественного задания произведения»⁸, его раскрывающуюся благодаря изучению черновиков изменчивость. Поэтому мы бы не недооценивали внимания советских текстологов к тому, что Долбил называет авантесом.

Если вернуться к текстологии Толстого, то можно вспомнить книгу Н.М. Фортунатова «Творческая лаборатория Л. Толстого», посвященную рукописям произведений писателя. Хотя анализ Фортунатовым художественных примеров, иллюстрирующих деятельность «лаборатории» Толстого, не столь захватывающий, как у Долбилова (возможно, потому, что примеры из разных произведений не выстраиваются в единый сюжет и рассматриваются как автономные кейсы), первый исходит из близких второму установок. Одна из них состоит в том, что «для исследователя важно в равной степени и то и другое: и генезис вещи, и законченный текст»⁹, а другая — в идее нелинейности движения сюжета и героя от черновиков к итоговому тексту или множественности траекторий движения, которые одновременно намечены в черновиках: «Толстой ищет, пробует новые сюжетные линии, варьирует пока еще не устоявшиеся в его сознании образы героев, и они свободно движутся в рамках меняющихся замыслов»¹⁰. Любопытно, что оба ученых, размышляя на эту тему, останавливают внимание на сцене из «Анны Карениной», в которой художник Ми-

⁵ Томашевский Б. Писатель и книга. Очерк текстологии. [Л.:] Прибой, 1928. С. 138.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 139.

⁸ Там же. С. 159.

⁹ Фортунатов Н. Творческая лаборатория Л. Толстого. Наблюдения и раздумья. М.: Сов. писатель, 1983. С. 127.

¹⁰ Там же. С. 121.

хайлов рассматривает закапанный стеарином рисунок и благодаря этой случайности вдруг понимает, как усовершенствовать изображенную на рисунке фигуру. И для Фортунатова, и для Долбилова это прекрасная иллюстрация принципов творческой работы самого Толстого: того, как «текст романа взаимодействовал с авторским интересом к игре случая в творчестве» [1, с. 362], или, в формулировке Фортунатова, как «случайность, не зависящая от воли писателя, вторгающаяся или извне <...>, или возникающая в самом процессе работы, помимо авторских намерений, даже рожденная невольной ошибкой, <...> способна приносить порой замечательные художественные результаты»¹¹.

Как и Пиксанов, Фортунатов, видимо, все-таки склонялся к мысли о том, что вследствие своих творческих поисков писатель ведет текст к совершенству. Долбилову не близка эта идея, но в его книге не преодолено понятие телеологичности замысла, что в какой-то степени, на наш взгляд, противоречит установке на понимание авантекста как самодостаточного объекта наблюдения. Долбилов не признает, что у генезиса есть цель, но констатирует неизменное желание Толстого завершить жизненный путь заглавной героини самоубийством. Как бы ни менялись отдельные сюжетные линии и характеры героев, этот мотив остается стержневым элементом нарратива, т. е., цитируя исследователя, «изменяемость сюжета в творимом романе» соседствует с «телеологией замысла» [1, с. 200]. Напряжение между ними позволяет сосуществовать разным модальностям высказывания, что вроде бы перечеркивает идею «последней авторской воли». Однако заданная суицидальным мотивом базовая устойчивость сюжетной конструкции прямо или косвенно подтверждает, что авантекст не может целиком и полностью «жить своей жизнью» и как бы исторические обстоятельства ни модифицировали замысел романа, автор — или даже сам текст, изначальный вектор развития которого все равно задан автором, — гнет свою линию.

Стремление писателя согласовать то и дело выбивающийся из-под его контроля (аван)текст со своей стабильной концепцией греха и воздаяния как бы замкнуто между телеологией как изначальным авторским планом и «последней авторской волей». Не вправе ли мы понимать в качестве выражения этой воли такое художественное решение, которое ясно демонстрирует неизбежность гибели героини и позволяет автору завершить работу, даже если говорить о ее формальном совершенстве не имеет смысла? Иными словами, не только

¹¹ Там же. С. 238.

случайное стеариновое пятно, но и грозное «Мне отмщение, и Аз воздам» [9, т. 11, с. 7] в какой-то степени коррелирует с характером толстовского труда, как бы ни перечили авторской воле «распоясавшиеся» герои и мотивы. Здесь мы видим нечто сходное с той диалектикой свободы и необходимости, на которой основана философия как «Войны и мира», так и «Анны Карениной».

В оправдание фетишизации «последней авторской воли» и «окончательного текста» в отечественной текстологической практике заметим также, что эти понятия нередко предопределены эдиционными задачами текстологов, что разводит их с историками литературы по разным лагерям. Как бы ни ценили мы не вошедшие в печатный текст сцены и характеристики, издатель вынужден установить основной текст, ссылая все остальное в менее почетный раздел «других редакций и вариантов». Впрочем, и здесь возможны разные решения: тот же Томашевский вспоминает споры о том, в какой редакции печатать лицейские стихи А.С. Пушкина, или опыт издания М.Л. Гофманом сочинений Е.А. Боратынского, в котором издатель «применил принцип первоначальной редакции вместо обычной последней»¹². В постсоветскую эпоху в понимании этого вопроса даже усилились революционные настроения, чреватые если не отменой, то, по крайней мере, проблематизацией понятия «основной текст». Можно вспомнить публикацию полного текста всех редакций стихотворений Боратынского в составе Полного собрания сочинений и писем (М., 2002 – наст. вр.), вследствие чего эти редакции могут казаться равноценными, а читатель может утратить понимание того, какой вариант текста является «лучшим» и подходящим для последующих перепечаток в качестве основного¹³. Как замечает рецензент этого ПССиП М.С. Макеев на основании собственного опыта подготовки собрания стихотворений Н.А. Некрасова, выбор основного текста (а значит, и определение авторской воли) в самом деле зачастую затруднен(ы), поскольку нередко связан(ы) с (само) цензурой. В изданиях советского времени редакторы устранили цензурную порчу текста Некрасова и восстанавливали «авторский» его вариант, однако при этом подчас руководствовались собственным вкусом и цензурными требованиями уже своей эпохи. Поэтому в настоящий момент механическое разграничение текста, испорченного цензурой, и текста «авторского» признается невозможным. Некрасов мог учесть цензурные требования или претензии по творческим, а не политическим резонам, создавая такой вариант стиха

¹² Томашевский Б. Писатель и книга... С. 167.

¹³ См. об этом: [4].

или строфы, который сложно счесть результатом порчи готового текста¹⁴. При таком подходе к истории текста идея восстановления «последней авторской воли» сохраняется, но понимание этой воли усложняется, ибо она определяется столкновением разных «воль» на разных стадиях работы над текстом, и без серьезного, неидеологизированного изучения этого взаимодействия обосновать выбор основного текста не получится.

Вне зависимости от степени укорененности подхода Долбилова в отечественной текстологической традиции его изыскания в этой области столь же основательны, как и описание исторической атмосферы, которая направляла творческое воображение Толстого. В первой главе препарирован великосветский слой романа, приросший к слою политическому. Эта тема, конечно, привлекала внимание исследователей: так, достаточно популярным в современном толстоведении является обсуждение профессиональной деятельности Алексея Александровича Каренина, в частности его изысканий относительно благосостояния инородцев; тем, кто помнит зачин «Декабристов» с упоминанием «дальновидных девственниц-политиков» [9, т. 4, с. 179], несложно догадаться, что и в «Анне Карениной» авторские стрелы могут задевать фрейлин А.Д. Блудову, А.Ф. Тютчеву и даже «бабушку» писателя А.А. Толстую, чья «сладость придворно-христианская» [8, т. 48, с. 14] начала его раздражать уже в 1850-е гг.

Однако, как уже отмечалось, не реальный комментарий к роману был приоритетной задачей Долбилова, тем более что в «Анне Карениной» он видит скорее *вариации* на исторические темы. Характерно, что как историка Долбилова занимает проблема лояльности престолу, предполагающая осмысление того, как позиция политическая подкрепляется культурными моделями и формами индивидуализированной или, наоборот, ритуализированной эмоциональной вовлеченности в дела правящего дома. Так и анализируя «Анну Каренину», Долбилов прослеживает, как образы героев кристаллизуются на основе определенного эмоционального регистра, имеющего «привязку» к придворному кружку или политической ориентации. К примеру, благочестиво-спиритуалистическая модальность — «некоторая утонченная восторженность» [1, с. 57], — предопределявшая специфику отношений в том круге, к которому принадлежала Анна, была характерна для окружения императрицы Марии Александровны, культивировавшего идею святости семейного очага и верховенства религиозных ценностей. Уход Анны

¹⁴ См.: [3].

к Вронскому был тем более скандальным, что ее возлюбленный был связан с теми гвардейскими (близкими к великокняжеским) кругами, в которых, напротив, превалировала моральная распушенность, в 1870-е гг. грозившая поколебать основания общественной лояльности династии Романовых. Соответственно, тема расторжения брака, как показано во второй и третьей главах книги, может быть спроецирована не только в психологическую или провиденциальную плоскость; она «взаимодействовала в генезисе *АК* с топосом власти и политического влияния» [1, с. 424].

С тонким юмором воссоздавая дворцовые скандалы с участием самого императора, его братьев и племянников, Долбилов расшифровал и объяснил ряд имен и отсылок в тексте к этим пикантным историям¹⁵. В то время как авантекст чрезвычайно богат на такие заманчивые для исследователя загадки и намеки, в печатном тексте романа Толстой, к неудовольствию исследователя, нередко затушевывает или исключает их. Касаясь восприятия Толстым нравов петербургского бомонда, Долбилов нередко обращается к тому периоду жизни писателя, когда тот имел возможность лично познакомиться с представителями этой среды, — к эпохе 1850-х гг., в которой, по справедливому мнению автора, заложены истоки многих мотивов «Анны Карениной». Соглашаясь с тем, что в некоторых отношениях этот сверхактуальный роман анахроничен, мы полагаем, что роман был не столько «игрой Толстого в ностальгию по его юношескому увлечению *comme il faut*» [1, с. 167], сколько выражением того презрения, которое либо предвосхищало, либо уже отображало первые проявления религиозного кризиса Толстого конца 1870-х гг. и его социального критицизма.

Противопоставляя миру столичных чиновников, офицеров и светских дам Константина Левина, Толстой, по мнению Долбилова, находит для «ложной духовности и губительной восторженности» альтернативу в виде «глубоко личного “непосредственного чувства”» [1, с. 39], и эта эмоциональная и смысловая оппозиция становится главным нервом романа, «локомотивом» его сюжетного и концептуального развития. Обсуждая левинское «благое экзистенциальное наитие» [1, с. 39], Долбилов замечательно демонстрирует связь между этим критерием оценки вещей и идеологическими суждениями Левина (например, о добровольцах в восьмой части). При этом исследователь настаивает на том, что противопоставление непосредственности и искусственности чувства и мысли — в его

¹⁵ См., напр., комментарий к «Дармштадту в Америке» или расследование о Е.Г. Числовой (Нумеровой).

суровой оценке, «по-своему догматичная» «дихотомия подлинности и фальши» [1, с. 466] — оформилось в сознании автора «Анны Карениной» в 1870-х гг. во многом под влиянием балканского кризиса, закончившегося русско-турецкой войной.

Таким образом, по его мнению, внешнеполитические события важны не столько потому, что определили материал заключительной части романа, в которой, по формулировке М.Н. Каткова, «Вронский в смущении и горе после смерти Анны отправляется добровольцем в Сербию, <...> а Левин остается в своей деревне и сердится на славянские комитеты и на добровольцев»¹⁶, сколько потому, что помогли Толстому обрести дихотомию, способствовавшую окончательному оформлению образов героев и выработке авторской «морали». Иными словами, левинское «непосредственное чувство» стало мерилom истины во многом из-за той панславистской истерии, которая казалась Толстому в высшей степени ненатуральной и лицемерной. Благодаря этой общественной ажитации окостенел и Каренин, который в авантексте был более неоднозначным (о чем свидетельствует его готовность дать Анне развод, каковой автор долго не мог поступиться), но в итоге аккумулировал все то ханжество под маской благочестия, которое так раздражало писателя в «православно-хомяковско-добродетельно-придворно-жуковско-христианской» среде [7, с. 791].

Таким образом, одна из главных задач книги Долбилова заключается в том, чтобы показать, как исторические факты «смещают» характеры героев, подчас не совсем художественно правдоподобным образом (скажем, профессор-западник Кознышев в восьмой части неожиданно превращается в панслависта), и в то же время «динамизируют», движут вперед сюжет, создавая новые напряжения идейного и событийного характера.

Идея о том, что идеологические споры для Толстого вторичны в сравнении с психологической основой поведения, которая воплощается в его непосредственности или формализованности, кажется резонной. Недаром уже в 1850-е гг. писатель осознал себя «не политическим человеком» [8, т. 47, с. 121]. Отчасти, конечно, это и вопрос исследовательской оптики: так, автору этих строк доводилось трактовать вышеупомянутые споры о войне и добровольческом движении как раз с идеологической точки зрения¹⁷, возможно, в силу желания выйти за рамки привычных литературоведческих вызовов в область менее проработанного (до появления рецензируемой

¹⁶ Русский вестник. 1877. Т. 129. С. 472.

¹⁷ См.: [2].

книги) политического контекста «Анны Карениной». Долбилову же, напротив, интереснее просветить при помощи исторического «рентгена» художественную ткань романа.

В целом же указанный вопрос вынуждает нас переместиться из области исторических дебатов и художественных установок Толстого в область его философских воззрений. Хотя, безусловно, увлечение А. Шопенгауэром и панславистские восторги подпитывали оппозицию живого чувства и позерства, эта антитеза красной нитью проходит сквозь толстовские тексты. Она определяет расстановку сил в «Войне и мире», и, думается, именно ее привычность для Толстого объясняет отсутствие ее дополнительных мотивировок в «Анне Карениной», что порождает ощущение догматичности. Другое дело, что в новом романе антитеза, конечно, приобретает больший моральный уклон¹⁸, так что «непосредственное чувство» оправдывает не всякий поступок (Стива Облонский тоже непосредственен), а лишь направленный к добру.

Долбилов избегает подробного обсуждения толстовских экзистенциальных исканий и прозрений — возможно, из опасения придать своему труду ту псевдонаучную или псевдорелигиозную глубокомысленность, которая, к сожалению, нередко присуща трудам «толстовсковедов». Автор «Жизни творимого романа» стремится сохранять трезвый, «остраненный» взгляд и потому воспринимает «бытийные» откровения героев «Анны Карениной» преимущественно как авторский способ выстроить конфликт и организовать сюжет.

В то же время его суждения о философских установках Толстого очень интересны и перспективны: к таковым мы бы отнесли мысль о том, что левинская апелляция к «непосредственному чувству» в разговоре о славянах и турках является репликой Толстого в дискуссии с А.А. Фетом о Шопенгауэре (ибо Фет, напротив, выводил из «непосредственного чувства» возможность провоенного настроения). Не меньше важен раздел об идейных схождениях Толстого с Э. фон Гартманом, гораздо хуже (в сравнении с Шопенгауэром) изученных. По мнению Долбилова, гартмановская философия бессознательного может объяснять импульсивный отказ Анны от выгодного ей развода и в какой-то мере ее суицидальные намерения, также демонстрирующие силу иррациональных волений. Чтобы выразить силу иррационального, Толстой в ДЖЦР прибегает к метафоре холодного электрического света: в этом свете героиня ясно видит тщету всех

¹⁸ См. подробнее: [6].

своих надежд и неизбежность смерти. Подчеркивая важность для самого автора идеи спонтанности решений Анны и Вронского (здесь, кстати, возникает вопрос о том, в какой степени эта *спонтанность* близка левинской *непосредственности*), Долбилов в то же время вновь демонстрирует некоторое недоверие к толстовской метафизике. Он подчеркивает, что «пронзительный свет» истины лишь в последнюю очередь позволяет Анне «осознать простейшее, самоочевидное: Каренин *согласен дать развод*» [1, с. 294], что решило бы ее проблемы без кровавых драм. При этом, кажущиеся спонтанными решения неплохо детерминированы на уровне авантекста: попытка Вронского застрелиться была с самого начала «вдохновлена» предрешенным самоубийством Анны, а порывистый отказ Анны от развода в окончательном тексте был отголоском того мрачного ясновидения, которое в ДЖЦР принимало метафорическую форму «пронзительного света».

На наш же взгляд, эта метафора позволяет понять, почему развод не обязательно вывел бы героиню из кризиса (на что намекает Долбилов). «Пронзительный свет» заставляет вспомнить толстовское суждение о важности умения глядеть «то в нирвану», «то в сансару» [8, т. 62, с. 272]: если с житейской, практической точки зрения («сансары») развод в самом деле был достижим и спасителен, то с точки зрения «нирваны», излучающей «свет», он вряд ли что-то менял. Здесь вспоминается князь Андрей, который накануне фатального для него Бородинского сражения также отстраненно прокручивал перед своим мысленным взором «главные картины своего волшебного фонаря жизни, глядя теперь на них при этом холодном белом свете дня — ясной мысли о смерти» [10, т. 6, с. 211]. Когда же после ранения смерть подходит к нему совсем близко¹⁹, Болконский оказывается способен мыслить в двух диапазонах сразу: то переносясь в состояние своих близких, то отрешаясь от всего земного; и если с первой точки зрения его смерть в самом деле должна казаться трагедией, то со второй — она воспринимается как освобождение.

Заметим, наконец, что метафору света можно встроить и в важный для Толстого 1870-х гг. естественнонаучный контекст: как показала Д.Т. Орвин в работе «Почему Левин читает Тиндала?», автору «Анны Карениной» приглянулась идея английского физика о теплоте как энергии, связывающей все естественные силы и приводящей

¹⁹ Ср. вывод героя из его пророческого сна: «*Оно вошло, и оно есть смерть*» [10, т. 7, с. 70] — с внутренней фразой Анны накануне самоубийства, также отсылающей, как показывает Долбилов, к образу холодного света: «Вот она опять! Опять я понимаю все» [10, т. 9, с. 357].

их в движение. Термодинамическая метафора позволяла писателю противопоставить левинское умение управлять природными инстинктами, подчиняя их нравственному закону, и неуправляемое «расточительство» энергии Анной²⁰. Нельзя ли предположить, что в «электрической» метафорике Толстого *холодный свет* Анны как бы отражает левинскую *теплоту*?

Итак, в монографии Долбилова нам открывается сложнейший лабиринт исторических, текстологических, литературных и филологических сцеплений, сквозь который автор — нередко в качестве первопроходца — уверенно пролагает дорогу. Отдельно нельзя не отметить интереснейшие интертекстуальные сцепления вроде сопоставления «Анны Карениной» с «Премьер-министром» (1876) Э. Троллопа. Мы, правда, допускаем, что одобрительная реакция Толстого на английский роман могла объясняться не только тематическими перекличками, но и сходством художественного решения. Долбилов в этой связи отмечает «свободную — даже почти условную — фабульную сцепку сюжетных линий» [1, с. 622], но Троллоп сопрягает эти линии на другом, более тонком идейном уровне, что невольно заставляет вспомнить суждение Толстого об «Анне Карениной»: «Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи» [8, т. 62, с. 377]. Любовная линия Эмили и политическая, связанная с герцогом Омниумским, равно основываются на присущем им обоим чрезмерно развитом чувстве долга, вынуждающем героев страдать, пребывать в одиночестве и бездействии. С одной стороны, это бездействие может приносить дивиденды: отец соглашается на брак Эмили с мало-симпатичным ему Лопезом, видя, как она героически покоряется отцовской воле; герцог становится премьер-министром, поскольку в нем видят человека, не способного на кулуарные интриги и вообще крутые политические меры, угрожающие стабильности государства. С другой стороны, бездействие оборачивается пассивностью, быстро уничтожающей достигнутые успехи, раздражающей окружающих и подтверждающей эгоцентризм героев. Эмили, невыносимо страдающая от дурного обращения мужа, готова быть верной даже его памяти, до последнего сопротивляясь идеальному жениху Артуру Флетчеру; Плантагенет Паллисер сам способствует своей отставке и отталкивает от себя самых верных сторонников, будучи неспособен преодолеть свою возвышенную отрешенность от людских дрызг выражением простой человеческой симпатии к близким. Оба в итоге

²⁰ См.: [5].

позволяют судьбе вернуть себя к жизни, стремясь, однако, по возможности отсрочить этот момент: Эмили соглашается со временем выйти замуж за Флетчера, а герцог Омниумский — вернуться в политику. Однако читатель расстается с героями, гадая, как же точнее определить их ведущее свойство — как «the weakness of the heart» (слабость сердца) или как «the strength of the feeling» (силу чувства)? Таким образом, и здесь некий эмоциональный субстрат — «сила слабости», используя выражение автора «Анны Карениной» [8, т. 20, с. 538, 541], — предопределяет и личные, и политические свершения.

Хотя этот заключительный комплимент может показаться дежурным, не можем удержаться от выражения своего восхищения тем образцовым языком, которым написана «Жизнь творимого романа». В то время как научный регистр языка в настоящее время кажется перенасыщенным механическими заимствованиями и тяжеловесными наукообразными формами, книга Долбилова подтверждает, что актуальные научные методологии в области изучения классической русской литературы могут с успехом развиваться при содействии особого лингвистического аппарата. Сохраняя свойства метаязыка, т. е. точного, современного и методологически выверенного инструмента анализа, язык книги в то же время нередко, если заимствовать выражение автора, конгениален языку изучаемой эпохи [1, с. 78] не только семантически, но и за счет тонкой нюансировки выражений, максимального задействования потенциала того русского языка, возможностями которого так гордились Тургенев и Толстой. Думается, что без этого прекрасного языкового и литературного «слуха» было бы невозможно осуществить столь глубокое и масштабное научное исследование.

Литература

1. Долбилов М. Жизнь творимого романа. От авантекста к контексту «Анны Карениной». М.: Новое литературное обозрение, 2023. 703 с.
2. Красносельская Ю.И. «Тень» К.С. Аксакова в полемике Л.Н. Толстого с панславистами 1877 г. // Складчина: сб. ст. к 50-летию проф. М.С. Макеева. М.: ОГИ, 2019. С. 137–157.
3. Макеев М.С. Некрасовская текстология в XXI веке: проблемы нового научного издания стихотворений Н.А. Некрасова в серии «Новая Библиотека поэта» // Русская литература. 2021. № 4. С. 27–38.
4. Макеев М.С. Рец. на кн.: Боратынский Е.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. «Сумерки». Стихотворения 1835–1844 гг. Juvenilia. Коллективное. Dubia. М., 2012 // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 4. С. 211–216.

5. Орвин Д. Почему Левин читает Тиндаля? / пер. с англ. А. Ключанского // Лев Толстой и мировая литература. Материалы V Международной научной конференции. [Тула]: Ясная Поляна, 2008. С. 209–218.
6. Орвин Д.Т. Искусство и мысль Толстого, 1847–1880 / пер. с англ. А. Гродецкий. СПб.: Академический проект, 2006. 303 с.
7. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Наука, 1970. 911 с.
8. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: [в 90 т.]. М.; Л.: Госиздат, 1928–1929; ГИХЛ, 1931–1958.
9. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Наука, 2000 – наст. вр.
10. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1978–1985.
11. Фойер К.Б. Генезис «Войны и мира» / пер. с англ. Т. Бузиной. СПб.: Академический проект, 2002. 333 с.
12. Alexandrov V.E. Limits to Interpretation. The Meanings of *Anna Karenina*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2004. XIV, 353 p.
13. Approaches to Teaching Tolstoy's *Anna Karenina*. New York: The Modern Language Association of America, 2003. X, 226 p.
14. Knapp L. *Anna Karenina and Others*. Tolstoy's Labyrinth of Plots. Madison: The University of Wisconsin Press, 2016. X, 326 p.
15. Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2010. XV, 277 p.
16. Morson G.S. *Anna Karenina* in Our Time. Seeing More Wisely. New Haven; London: Yale University Press, 2007. XX, 263 p.

Research Article

**The Spontaneous Feeling of Text and Time:
Reading a Book by Mikhail Dolbilov
*The Life of a Novel in the Making. From the Avant-text
to the Context of “Anna Karenina.”* Moscow, Novoe
literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 703 p.**

© 2025. Yulia I. Krasnoselskaya
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract: The review discusses historical and textological issues raised by Mikhail Dolbilov in his new book *The Life of a Novel in the Making*, dedicated to the process of the creation of Leo Tolstoy's *Anna Karenina*. The reviewer also analyzes, on the basis of the classical textological tradition, the novelty of the research method

proposed by Dolbilov that prescripts not the reconstruction of the “last will of the author”, but the study of the “avant-text” of the novel as a set of “layers” of the text, each of which somehow manifests itself in the printed version of *Anna Karenina*, but at the same time retains autonomy and an independent artistic value. The reviewer examines the genesis and forms of expression of the antithesis of “spontaneous feeling” and “falsehood” in Tolstoy’s novel, which Dolbilov considers to be the central element of the narrative organisation of *Anna Karenina*. Finally, the reviewer makes comments on the textual interconnections between Tolstoy’s novel and E. Trollope’s *Prime Minister*, as well as the impact of E. von Hartmann’s theory of the unconscious on the plot organization and psychological portrayal of the characters in Tolstoy’s novel.

Keywords: Leo Tolstoy, *Anna Karenina*, textual criticism, avant-text, spontaneous feeling.

Information about the author: Yulia I. Krasnoselskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, bld. 51, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-8726-4166>

E-mail: jullkra@yandex.ru

For citation: Krasnoselskaya, Yu.I. “The Spontaneous Feeling of Text and Time: Reading a Book by Mikhail Dolbilov *The Life of a Novel in the Making. From the Avant-text to the Context of 'Anna Karenina'*.” Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 703 p.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (37), 2025, pp. 109–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-109-125>

References

1. Dolbilov, M. *Zhizn' tvorimogo romana. Ot avanteksta k kontekstu "Anny Kareninoi"* [*The Life of a Novel in the Making. From the Avant-text to the Context of "Anna Karenina"*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 703 p. (In Russ.)
2. Krasnosel'skaia, Iu.I. “‘Ten’ K.S. Aksakova v polemike L.N. Tolstogo s panslavistami 1877 goda” [“Konstantin Aksakov’s ‘Shadow’ in Leo Tolstoy’s Polemic with Pan-Slavists in 1877”]. *Skladchina: sbornik statei k 50-letiiu professora M.S. Makeeva* [*Skladchina: A Collection of Articles in Honor of Professor Mikhail Makeev's 50th Anniversary*]. Moscow, OGI Publ., 2019, pp. 137–157. (In Russ.)
3. Makeev, M.S. “Nekrasovskaia tekstologiya v XXI veke: problemy novogo nauchnogo izdaniia stikhotvorenii N.A. Nekrasova v serii ‘Novaia Biblioteka poeta.’” [“Nekrasov Textual Criticism in the 21st Century: The Problems of the New Scholarly Edition of Nikolay Nekrasov’s Poems in ‘New Poet’s Library’ Series”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2021, pp. 27–38. (In Russ.)
4. Makeev, M.S. “Retsenziia na knigu: Boratynskii E.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem. Tom 3. Chast' 1. ‘Sumerki.’ Stikhotvoreniia 1835–1844 godov. Juvenilia. Kollektivnoe. Dubia. Moskva, 2012” [“Review of: Boratynsky, E.A. The Complete Works and Letters. Vol. 3, pt. 1. ‘Twilight.’ Poems, 1835–1844. Juvenilia. Collective. Dubia. Moscow, 2012”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, no. 4, 2013, pp. 211–216. (In Russ.)
5. Orvin, D. “Pochemu Levin chitaet Tindalia?” [“Why Does Konstantin Levin Read John Tyndall?”], trans. by A. Klyuchansky. *Lev Tolstoi i mirovaia literatura. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Leo Tolstoy and World Literature.*

Proceedings of the 5th International Scientific Conference]. Tula, Iasnaia Poliana Publ., 2008, pp. 209–218. (In Russ.)

6. Orvin, D.T. *Iskusstvo i mysl' Tolstogo, 1847–1880* [*Tolstoy's Art and Thought, 1847–1880*], trans. by A. Grodetskaya. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2006. 303 p. (In Russ.)

7. Tolstoi, L.N. *Anna Karenina* [*Anna Karenina*]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 911 p. (In Russ.)

8. Tolstoi, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [*Complete Works: in 90 vols.*]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1928–1929, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1931–1958. (In Russ.)

9. Tolstoi, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 100 t.* [*Complete Works: in 100 vols.*]. Moscow, Nauka Publ., 2000–ong. ed. (In Russ.)

10. Tolstoi, L.N. *Sobranie sochinenii: v 22 t.* [*Collected Works: in 22 vols.*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1978–1985. (In Russ.)

11. Foier, K.B. *Genezis "Voiny i mira"* [*The Genesis of "War and Peace"*], trans. by T. Buzina. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 333 p. (In Russ.)

12. Alexandrov, Vladimir E. *Limits to Interpretation. The Meanings of "Anna Karenina."* Madison, The University of Wisconsin Press, 2004. XIV, 353 p. (In English)

13. *Approaches to Teaching Tolstoy's "Anna Karenina."* New York, The Modern Language Association of America, 2003. X, 226 p. (In English)

14. Knapp, Liza. *Anna Karenina and Others. Tolstoy's Labyrinth of Plots.* Madison, The University of Wisconsin Press, 2016. X, 326 p. (In English)

15. Maiorova, Olga. *From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870.* Madison, WI, University of Wisconsin Press, 2010. XV, 277 p. (In English)

16. Morson, Gary Saul. *"Anna Karenina" in Our Time. Seeing More Wisely.* New Haven, London, Yale University Press, 2007. XX, 263 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 18.03.2025

Одобрена после рецензирования: 16.06.2025

Дата публикации: 25.09.2025

The article was submitted: 18.03.2025

Approved after reviewing: 16.06.2025

Date of publication: 25.09.2025